
**«Новое учреждение о обращении иноверных»:
малоизвестный миссионерский проект
времени правления Екатерины II**

Максим Орлов

**«A new institution for the conversion of non-believers»:
a little-known missionary project during the reign of Catherine II**

*Maxim Orlov
(Petersburg Lyceum, Kirov, Russia)*

DOI: 10.31857/S2949124X23040053, EDN: HMINNO

В январе 1769 г. обер-прокурор П.П. Чебышев внёс на рассмотрение членов Св. Синода миссионерский проект под названием «Новое учреждение о обращении иноверных», который разработали епископ Псковский Иннокентий (Нечаев), епископ Тверской Гавриил (Петров) и архиепископ Тобольский Варлаам (Петров). Изначально предполагалось, что над проектом будет трудиться митрополит Новгородский и Великолуцкий Димитрий (Сеченов), который в 1742–1748 гг., будучи епископом Нижегородским и Алатырским, вёл миссионерскую работу среди народов Поволжья. В связи с его кончиной 14 декабря 1767 г. разработку поручили перечисленным выше архиереям.

Данный проект ещё не нашёл места в историографии. О нём вкратце упоминали священник Николай Климов и Н.В. Никольский¹. Частично он опубликован в сборнике документов по истории церковно-государственных отношений в годы правления Екатерины II², но всестороннему анализу не подвергался. Документ хранится в фонде «Канцелярия Синода» РГИА под заглавием «По предложению Св. Синода обер-прокурора Чебышева об обращении иноверцов в России в православие». В архивном деле сохранилась инструкция проповедникам («Новое учреждение»), а также отчёты сибирских архиереев о миссионерстве епархиальных проповедников.

В XVIII в. разрабатывалось немало проектов, направленных на организацию миссионерской деятельности в отношении нерусских народов России. В 1732 г. архимандрит Алексей (Раифский) представил Синоду проект «О лучшем устройстве миссионерского дела в Казанском крае». В 1748 г. нижегородский епископ Димитрий (Сеченов) разработал проект «о едином новокрещенских дел правлении». В 1754 г. за подписью казанского епископа Луки (Канашевича) была составлена «Инструкция проповеднику Патрикию». Иркутский епископ Иннокентий (Нерунович) разработал свой проект организации миссионерского дела в Сибири. Особые «именные» инструкции Синод направил главам Камчатской и Осетинской миссий – архимандриту Иоасафу (1742)

© 2023 г. М.А. Орлов

¹ *Климов Н.Ф., свящ.* Постановления по делам Православной Церкви и духовенства в царствование Екатерины II. СПб., 1902. С. 92; *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш Среднего Поволжья в XVI–XVIII веках. Исторический очерк. Казань, 1912. С. 154.

² *Иванов И., диакон.* Взаимоотношения Церкви и государства во второй половине XVIII века (деятельность обер-прокуроров Святейшего Синода 1763–1796 гг.). Сборник документов. М., 2010. С. 115–120.

и архимандриту Пахомию (1746). Поступали проекты и от мирян. В 1723 г. подканцелярист Починковской волости Нижегородской губ. Василий Симонов представил Синоду проект постановки учебного дела среди мордвы.

При рассмотрении «Нового учреждения» необходимо учитывать изменение конфессиональной политики Екатерины II. А. Каппелер определял курс императрицы как возвращение к «традиционной политике толерантности»³. Правительство отказалось от установленных Анной Иоанновной и Елизаветой Петровной законодательных ограничений в отношении неправославных подданных империи. Указ от 6 апреля 1764 г. упразднил Новокрещенскую контору и отменил обязанность некрещёных платить подати за новокрещёных. Была учреждена должность епархиальных проповедников, в обязанность которых входило распространение православной веры среди народов России. Ответственность за миссионерскую деятельность возлагалась на плечи епархиальных архиереев⁴. В указе, однако, отсутствовала информация о руководстве деятельностью миссионеров. Возможно, это стало одной из причин появления рассматриваемого проекта. В донесении разрабатывавших его архиереев указано, что он создан в связи с известиями о «непорядках и злоупотреблениях», происходивших от проповедников в Сибири⁵, но что именно имелось в виду, не отмечено. В фонде Вятской духовной консистории Центрального государственного архива Кировской области сохранился документ, содержащий сведения о деятельности сибирских проповедников того времени. В 1764 г. Синод рассматривал дело о взятии тобольскими миссионерами незаконных подводов с новокрещёных, вследствие чего был издан указ тобольскому архиерею, чтобы проповедники лишнего с новокрещёных не брали; последним в судах и присутственных местах следовало показывать «всякую милость»⁶.

«Новое учреждение» состоит из двух частей – инструкции архиереям и проповедникам. Своеобразным приложением к проекту является текст присяги проповедника и молитвословия, которыми сопровождается вся его деятельность. Инструкция архиереям содержит восемь пунктов, в соответствии с которыми они должны были составить план действий миссионера: 1) проповедник не должен по «выбору и произволу проповедовать слово Божие, куды они похотят», но обязан следовать маршруту, определённому архиереем; 2) миссия может начинаться только от населённых пунктов, расположенных близ городов, а для утверждения новокрещёных в вере проповедник должен ехать тем же путём, каким следовал в миссионерской поездке; 3) миссионеру запрещается ездить в места, не указанные в инструкции от архиерея; 4) проповедника надлежит избирать «незазирательного в благонравии, а паче некорыстолюбивых», трезвого, кроткого, «несуеверного»; 5) для обеспечения охраны проповедников архиерею следовало извещать о поездке губернатора; 6) в день отправления проповедника архиерею предписывалось отслужить литургию и преподать краткое поучение миссионеру; 7) в случае незнания языков с проповедником должен ехать толмач; 8) о возвращении проповедника архиерею следовало сообщать губернатору и Синоду, а также служить «благодарственное Богу моление»⁷.

³ Каппелер А. Россия – многонациональная империя. М., 2000. С. 85.

⁴ ПСЗ-1. Т. 16. № 12. С. 126.

⁵ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 4 об.

⁶ Центральный государственный архив Кировской области (далее – ЦГА КО), ф. 237, оп. 74, д. 882, л. 4.

⁷ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 5 об.–7 об.

Проект вводил в практику миссионерства регламентацию маршрута проповедника, обязательным стало молитвенное сопровождение миссионера. Впрочем, вряд ли и прежде последние отправлялись в путь без благословения и молитвы. Остальные пункты архиерейской инструкции нельзя назвать новшеством. Сохранялась ведущая роль архиерея в процессе распространения христианства. Если в XIX столетии, особенно со второй его половины, стали появляться полуавтономные миссионерские общества (братства), ведущие миссионерскую работу самостоятельно, то в XVIII в. процесс христианизации ещё направлялся правящим архиереем.

Как и указ от 11 сентября 1740 г., регламентировавший деятельность миссионеров во время существования Новокрещенской конторы, «Новое учреждение» предписывало обращаться к гражданским властям для обеспечения защиты миссионеров. Участие чиновников в православной миссии в XVIII в. нельзя оценить однозначно. С одной стороны, некоторые из них, как, например, статский советник Б. Ярцов (воевода в Свияжской провинции с 1738 по 1742 г.), способствовали успеху миссии, защищали миссионеров, сами принимали участие в проповеднической деятельности. В то же время нередким явлением было отсутствие поддержки с их стороны и даже открытое противодействие миссионерской деятельности. Показательна история дальневосточного священника Романа Верещагина. Земский исправник Панов в своекорыстных интересах приказывал аборигенам Курильских островов не слушать его проповеди, препятствуя крещению язычников. Подобные явления были характерны и для Волжско-Камского региона⁸.

Как и прежде, «Новое учреждение» предписывало архиерею выбирать миссионера «трезвого», «кроткого», «благонравного»; появилось и новое требование — проповедник должен быть «несуеверным». Это можно считать отголоском господствовавшего в XVIII в. «просветительского» направления, которого придерживались многие высшие церковные иерархи того времени. В рассматриваемой инструкции в подобном ключе, только несколько сглаженно, проповеднику запрещалось во время проповеди говорить о «ложных чудесах», не вымышлять лишнего, никаких «пустых рассказов». Эта мысль взята едва ли не дословно из Духовного регламента 1721 г., где о «ложных чудесах» упоминалось с неприязненным акцентом⁹.

В «Новом учреждении» отсутствует пункт об уровне образованности проповедника. В XVIII в. такое требование к миссионеру не получило широкого распространения, хотя именно тогда в России открылось немало школ. Отчёты архиереев о выборе проповедников показывают, что в ряде епархий стремились назначить проповедниками лиц, имевших богословское образование. Епископ Тамбовский Пахомий (Симанский) проповедником назначил дьячка Александра Григорьева, учившегося в Славяно-греко-латинской академии. Вятский епископ Варфоломей (Любарский) определил в миссионеры учителя местной школы иеромонаха Никодима (Сеземова); в Тобольской епархии двух проповедников также выбрали из учителей местной семинарии¹⁰.

⁸ Там же, оп. 78, д. 696, л. 1; *Орлов М.А.* Влияние местных властей на процесс христианизации в Вятской и Великопермской епархии в XVIII веке // Христианское чтение. 2018. № 4. С. 231–237.

⁹ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 11; Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству Православного исповедания Российской империи. Т. I. СПб., 1879. № 1. С. 10.

¹⁰ РГИА, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 97–98, 176; оп. 49, д. 80, л. 39–40.

Инструкция предписывала архиереям избирать миссионеров, знающих языки местных народов. Составители проекта понимали, что эта задача для епархиального руководства окажется непростой, поэтому предложили архиереям принимать в духовные школы новокрещеных, которые в будущем могли бы помочь миссионерам¹¹. Языковой барьер действительно был преградой в распространении христианства. Проповедник по Иркутской епархии игумен Иоиль (назначен в 1765 г.) из-за незнания языков местных народов брал с собой в поездки «простых русских мужиков», которые «отчасти их разговор знают», догматы же изъяснить не могут. В Казанской епархии проблема незнания языков была столь остра, что местный архиерей предписал священникам новокрещенских приходов изображать значение исповеди и причащения знаками¹². Впрочем, некоторые проповедники хорошо знали языки. В Казанской епархии к их числу следует отнести архимандрита Свяжского монастыря Евмения и священника Иоанна Афанасьева, которые «достаточно тех иноверцев языки сведущи». Проповедник по Нижегородской епархии иерей Ермий Иванов охарактеризован как «совершенно чувашский язык знающий»¹³.

В истории Русской православной миссии XVIII в. опыт привлечения представителей нерусских народов в духовные школы оставался незначительным. Часто идеи привлечения «инородцев» в школы не находили воплощения. В проекте иеромонаха Алексия (Раифского) много внимания уделено школьному образованию: он предлагал брать детей новокрещеных «в надежду священства», предоставлять «студентам» различные льготы, а при посвящении в сан не брать с них в течение некоторого времени никаких поборов. Митрополит Арсений (Мацеевич), будучи архипастырем Тобольским и Сибирским, писал в Синод, что школы необходимы, дабы «новопросвещенные народы чрез таковые катихизические наставления в познании истинного благочестия утвердились»¹⁴. Однако выпускников, которые бы стали священниками, практически не было. В школах, учрежденных в середине XVIII в. «новокрещенским ребятам не давали здоровой миссионерской подготовки», учили непонятному латинскому языку, отсутствовала надлежащая переводческая подготовка. Главной причиной неуспеха в привлечении «инородцев» в казанские духовные школы явилось обрушение новокрещеных детей. Обучаясь в русской духовной школе, они теряли связь с сородичами, так как преподавание велось исключительно на русском языке, а «сила родных языков» игнорировалась¹⁵.

Процесс становления христианской личности не останавливается на факте крещения — духовный рост подразумевал живое участие новокрещеного в церковной жизни, в посещении богослужений и участии в церковных таинствах. Условием углубления в евангельскую жизнь является осознание смысла происходящего во время богослужений, а это достигается, когда новокрещеному

¹¹ Там же, оп. 50, д. 5, л. 8–8 об.

¹² Государственный архив Республики Татарстан (далее — ГА РТ), ф. 10, оп. 2, д. 1274, л. 143 об.; *Санников А.П.* Миссионерская деятельность первых иркутских епископов // *Известия Иркутского государственного университета. Сер. Политология. Религиоведение.* 2016. Т. 16. С. 123.

¹³ РГИА, ф. 796, оп. 45, д. 126, л. 67; оп. 49, д. 80, л. 130–130 об.

¹⁴ *Малов Е.* О Новокрещенской конторе. Речь, произнесенная в торжественном годичном собрании Казанской духовной академии 1878 г. // *Православный собеседник.* 1878. Ч. III. С. 9; *Полное собрание постановлений...* Т. I. № 112. С. 139–140.

¹⁵ *Никольский Н.В.* Христианство среди чуваш... С. 136–137; *Харламович К.В.* Казанские новокрещенские школы // *Известия общества археологии, истории и этнографии при императорском Казанском университете.* Казань, 1905. Т. XXI. Вып. 1. С. 86.

понятен язык богослужения. «Новое учреждение» сделало в этом направлении незначительный шаг вперёд: допускался перевод Символа веры, Десятословия и молитвы Господней¹⁶. Авторы инструкции не уточнили, на какие языки их следует переводить. Показателен акцент разработчика проекта: «Служба церковная всегда может на российском языке отправляема быть». Такой взгляд был характерен для миссионерской практики XVIII в., и только к концу столетия пришло понимание необходимости перевода богослужения на понятный для новокрещёных язык. Казанский архиепископ Амвросий (Подобедов) доносил Синоду, что одна из главных причин неудовлетворительного состояния христианской веры среди нерусских народов Казанского края — незнание языка богослужения. В качестве примера он привёл литургию, переведённую на марийский язык священником Андреем Альбинским: марийцы, услышав литургию на родном языке, «только в сие время понимают силу и содержание оной»¹⁷.

П. Н. Луппов отмечал, что нерусским православным «церковно-славянское богослужение... ничего не говорило... уму и сердцу и не могло по отношению к ним проявлять той силы религиозного назидания, которая принадлежит ему по существу». По мнению историка, славянский язык для нерусских новокрещёных был столь же непонятен, как в своё время для западных славян латинская месса¹⁸. Действительно, XIX в. дал немало примеров благотворного влияния переведённых текстов на инородческие языки. Когда для удмуртов Вятской епархии сделали переводы Евангелия от Матфея и прочли о Рождестве Спасителя, многие просили несколько раз прочитать это место. После совершения богослужения на удмуртском языке, согласно донесению миссионера протоиерея Иосифа Стефанова, для новокрещёных «предметы веры христианской проясняются»¹⁹.

Второй частью «Нового учреждения» является инструкция проповедникам. Она определяла правила, которыми должны были руководствоваться миссионеры. Начинается она словами: «Отправляешься ты, N.N., на дело святое и великое, на дело звания апостольского». Напоминание о преемственности с миссией апостолов являлось традиционным для православной миссии²⁰. Перед проповедником прежде всего ставилась духовная задача — «открыть им (инородцам. — М.О.) пути Царствия Небесного». Наряду с ней миссионер решал задачу укрепления основ гражданского устройства: «а через то привести их к единомыслию и расположить к единому государственной пользы наклонению». Также проповеднику следовало напоминать новокрещёным, что важнейший их долг состоит в том, чтоб «верным быть своему государю»²¹.

Исследователь православной миссии Сибири И. И. Юрганова отметила, что христианизация была частью государственной политики по инкорпора-

¹⁶ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 8–8 об.

¹⁷ Шапов А. П. Лука Канашевич, епископ Казанский // Православный собеседник. (Казань). 1858. Ч. III. С. 480.

¹⁸ Луппов П. Н. Христианство у вотяков со времени первых исторических известий до XIX века. СПб., 1899. С. 212; Луппов П. Н. О первых вотских переводах источников христианского просвещения. Очерк из истории инородческих переводов. Казань, 1905. С. 4.

¹⁹ Луппов П. Н. О первых вотских переводах... С. 10; ЦГА КО, ф. 237, оп. 165, д. 81, л. 2 об.—3.

²⁰ Никольский Н. В. Христианство среди чуваш... С. 235; Юрганова И. И. Христианизация и исполнение православной обрядности на восточных окраинах Российской империи (вторая половина XVIII века) // Гуманитарный вектор. Т. 15. 2020. № 6. С. 36.

²¹ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 9–9 об.

ции этого региона в общеимперское пространство²². С одной, но значительной оговоркой этот вывод можно распространить и на другие части империи. Православная миссия способствовала расширению имперского пространства, но этот процесс нельзя назвать доминантой миссионерской деятельности. Современники рассматривали миссию прежде всего как область духовную, необходимую для исполнения евангельской заповеди: «Идите, научите все народы» (Мф. 28:20). Вятский епископ Алексей (Титов) сообщал Синоду, что удмуртов он крестил, дабы «ко спасенному пути привести и во Второе Его Христово Пришествие чисти их представить». В одном из указов императрица Елизавета Петровна писала, что «вера во Христа Иисуса Господа нашего должна приемлема быть... ради вечного спасения»²³. Вывод об имперском углублении и инкорпорации является важным достижением определённого этапа развития исторической науки, но не стоит забывать, что в глазах миссионеров и представителей власти распространение христианства мыслилось в первую очередь как дело исполнения евангельской заповеди.

Проповедь должна была основываться исключительно на книгах Священного Писания: Евангелиях и Деяниях апостольских. Содержание пунктов обучения новокрещёных условно можно разделить на две группы: в первой рассматриваются догматические вопросы, во второй – нравственно-этические. Догматические представлены следующими пунктами: «что есть Бог», что Он человека и весь свет создал и хранит, что Он послал в мир Спасителя Иисуса Христа, который дал Закон (Евангелие); что есть крещение, исповедь и причащение. Уделено место и эсхатологическому вопросу: Бог будет осуждать за беззакония, а за добродетели награждать. Особое внимание уделено почитанию икон: новокрещёные должны их чтить, а не боготворить. Миссионеру предлагалось изъяснить неофитам значение молитвы Господней («Отче наш»). Нравственные вопросы сводились к тому, чтобы любить ближних, не оскорблять их, не пьянствовать, трудиться, себя не убивать, быть верным в супружестве, не красть чужого имущества²⁴.

При сопоставлении «Нового учреждения» с прочими миссионерскими проектами XVIII в. видно, что догматическим вопросам в нём уделено меньше внимания. Указ императрицы Анны Иоанновны от 11 сентября 1740 г. предписывал, чтобы миссионеры наставляли новокрещёных в важнейших христианских догматах: «О воплощении Сына Божия, о спасительном Его за нас страдании, и живоносном Воскресении, и преславном на небеса Вознесении», о воскресении мертвых и будущем суде, о «Триипостасном Бозе». Такие же пункты содержались в инструкции, данной игумену Седмиозерской пустыни Патрикию (1754)²⁵. Догматические вопросы включались в инструкции не только проповедникам-миссионерам, но и священникам, определённым в новокрещенские приходы. Согласно инструкции, разработанной в Вятской духовной консистории для священников новокрещенских приходов, приходской священник должен был учить, «что един есть Бог в Троице и тройствен во единстве, о воплощении Сына Божия и искуплении кровию Его от клятвы законныя и прочая»²⁶. Проекты выстраивались по основным постулатам Сим-

²² Юрганова И.И. Христианизация... С. 41.

²³ РГИА, ф. 796, оп. 1, д. 157, л. 10 об.; Шапов А.П. Лука Канашевич... С. 478–479.

²⁴ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 10–10 об.

²⁵ ПСЗ-1. Т. 11. № 8236. С. 249; Никольский Н.В. Христианство среди чуваш... С. 231.

²⁶ Луттов П.Н. Христианство у вотяков... С. 288.

вола веры и содержали важнейшие догматы. «Новое учреждение» сохранило лишь незначительную их часть, заместив многие положения нравственными вопросами.

Корректировку содержания учения можно объяснить спецификой миссионерской работы в Сибири. За исключением небольших групп татар-мусульман, здесь в основном проживали народы, придерживающиеся язычества. Очевидно, авторы миссионерского проекта понимали сложность и, возможно, бесперспективность обучения сложной православной догматике на начальном этапе. Это проще было осуществить в диалоге с католиком, лютеранином или даже мусульманином, у которых имелась разработанная догматическая система богословия, основанная на библейских текстах. Язычник же был далёк от сказаний об Аврааме, обетованиях Моисея, пророческих видениях Исайи. Новопросвещённому язычнику требовалось дать учение в самой сжатой и удобной для запоминания форме.

Впрочем, одного этого объяснения недостаточно. Важно учитывать, что проект составлялся в эпоху, когда в обществе господствовала идеология «просвещённого абсолютизма». Идея формирования нового человека, воспитанного в правилах «благодичиния», должна была найти отражение в личности живущего по определённым моральным правилам человека. Особенность идеологии Просвещения заключалась в том, что новый образ жизни следует распространить на все слои населения. В Уложенную комиссию в качестве полномочных депутатов пригласили представителей народов Сибири и Поволжья. В связи с этим уклон в сторону моральных принципов выглядит объяснимым. Недаром в проекте появилась фраза о «единой пользе государственной» как одной из целей миссии. После «довольного научения» проповедник мог лишь предложить креститься, не принуждая к этому. Соглашавшимся следовало разъяснить, что «вода есть знак омовения духовного, которое совершается силою веры во Христа Спасителя». После этого предполагалось наставление, что крещённому необходимо регулярное участие в исповеди и принятии Святых Христовых Таин²⁷.

Определённый интерес вызывает пункт «учреждения», предписывавший проповеднику вести беседу о верованиях народов Российской империи. Миссионер «с любопытством» должен был узнавать о «вере и богослужении», а после доказывать «их неправость». Стоит заметить, что миссионеры XVIII в. редко обращались к особенностям религиозных верований «иноверцев», их изучали в основном руководители академических экспедиций: Г.Ф. Миллер, И.Г. Гмелин, П.С. Паллас. Проповедник мог полемизировать с «иноверцами», но без грубости, «ласково и дружелюбно», а если желающих креститься не окажется, миссионеру следовало «с миром оставить» селение²⁸. Большинство нормативных актов XVIII в. признавали только мирный способ распространения православной веры. Например, в инструкции казанскому игумену Патрикию указывалось, что «ежели которые из них святого крещения восприть не пожелают, таковым принуждения и крещения отнюдь не чинить». Подобный пункт имелся и в указе императрицы Анны Ивановны от 11 сентября 1740 г. Согласно указу от 6 апреля 1742 г. полковые священники могли склонять к православной вере солдат неправославных вероисповеданий, но чтобы восприятие крещения

²⁷ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 9, 12–13.

²⁸ Там же, л. 14 об.

совершалось ими «самопроизвольно». Инструкция Новокрещенской конторы (1755) предписывала «увещевать» к принятию веры словом, а если кто из семейных не примет крещения, то брак можно не расторгать, позволив супругу остаться в прежней вере. Казанская духовная консистория в 1760 г. распорядилась, чтобы священники приводили «иноверцев ко святому крещению лишь по доброй воле»²⁹.

Лишь как исключение встречаются правовые акты, предписывавшие осуществлять крещение в безальтернативном порядке. 12 апреля 1741 г. Синод направил Сенату «ведение», чтобы в Верхневилуйском остроге была построена церковь, с добавлением: «Обязав их, идололаторов, чтобы по построении оной церкви крещение святое всем им принять без отрицания накрепко». Но обычно церковные и гражданские власти требовали, чтобы таинство крещения проходило с соответствующей подготовкой и без принуждения³⁰.

Особую группу составляют пункты о правилах утверждения неопитов. Проповеднику следовало напоминать, что святые образа нужно не боготворить, а чтить. Новокрещёных видимость и осязаемость иконы возвращала к прежним верованиям в «наглядных богов» — идолов. Показательны слова прапорщика Слободской инвалидной команды В. Булдакова, обращённые к новокрещёному из чувашей К. Михайлову. Придя в дом к последнему, прапорщик увидел образа и стал учить, что «иконы должно почитать и поклоняться телом, а душою и духом восходить горе, а егда де кто буде называть и почитать их Богом, то де сами себя подвергают по соборному святых отец преданию проклятию»³¹. В «Новом учреждении» получила развитие тема поста для новокрещёных. Источником рассуждений стало учение апостола Павла о том, что нельзя применять строгие правила о постных днях для «неможных в вере». Проповедник мог лишь увещевать, что пост необходим для душевного спасения, не принуждая к его соблюдению. В действительности же в миссионерской практике XVIII в. известны примеры принуждения новокрещёных к соблюдению поста. «Поповский сын» Фёдор, заметив, что удмурты села Балезинского в постный день ели варёное мясо, бил их плетью. За это Вятская духовная консистория приказала наказать плетью самого Фёдора³².

В «Новом учреждении» указывалось, что проповедник должен держать в памяти мысль о богоугодности дела распространения Христовой веры, за это ему уготована небесная награда, что исключает мотивы алчности. Этот пункт инструкции был не только данью традиции, но, возможно, и реакцией на практику миссионерской деятельности. Многие миссионеры в середине XVIII в. не вменяли себе в обязанность «возбуждать в сердцах и мыслях новокрещёных живую и искреннюю веру во Христа», ограничиваясь одним способом привлечения к христианству — материальными выгодами, предоставляемыми государством крестившимся инородцам³³.

²⁹ Никольский Н. В. Христианство среди чуваш... С. 231, 254–255; ПСЗ-И. Т. 11. № 8236. С. 249; № 8540. С. 592; ГА РТ, ф. 10, оп. 2, д. 1274, л. 184 об.–185.

³⁰ Полное собрание постановлений... Т. I. № 82. С. 95; *Верп II*. Православие, инославие, иноверие. Очерк по истории религиозного разнообразия Российской империи. М., 2012. С. 19.

³¹ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 10 об.; ЦГА КО, ф. 237, оп. 74, д. 505, л. 4–4 об.

³² РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 11; ЦГА КО, ф. 237, оп. 74, д. 145, л. 6–7.

³³ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 14 об.; *Можаровский А.* Изложение хода миссионерского дела по просвещению казанских инородцев с 1552 по 1867 год // Чтения в Императорском Обществе истории и древностей российских при Московском университете. 1880. Кн. 1. С. 75.

Последним пунктом «учреждения» были молитвословия, какие следовало возносить об успехе миссии проповедников. Торжественно пелся 46-й псалом «Все языцы восплешите руками, воскликните Богу гласом радования». По толкованию Иоанна Златоуста, данный псалом пророчествует о непобедимой силе евангельской проповеди, воспевая от лица апостолов увещание язычников. Перед чтением Евангелия протодиакон читал молитву «О еже обратити сердца неверием помраченных к познанию спасительныя истины», затем молитву о том, чтобы нехристианам было открыто «Евангелие правды». Прочитывались зачала их апостольских посланий и Евангелия от Луки о направлении Господом 70 учеников на проповедь: «иже семдесят и посла их»³⁴.

Апробация проекта производилась только в пределах Сибири, что было оговорено на заседании Синода 8 января 1769 г. Для других регионов — Камчатки, Осетии, Казанской, Нижегородской и Оренбургской губерний — выработали особые инструкции³⁵. Результаты изучения документов архива Вятской духовной консистории за вторую половину XVIII в. позволяют утверждать, что синодальная инструкция «Новое учреждение» не вводилась в епархиях западнее Сибири.

Миссионерский проект отослали не только церковному руководству Сибири. В губернские учреждения поступили особые указания, касавшиеся защиты местной властью епархиальных проповедников от различных угроз. В качестве приложений высылались текст присяги, которую следовало принести «сибирскому проповеднику»³⁶. О том, что инструкцию — «Новое учреждение» — приняли и реализовали на практике, можно узнать из ответа Синода на рапорт тобольского епископа Варлаама (Петрова). Архиепией писал, что проповедники его епархии были в «иноверческих жителях... одним только проездом». В 1770 г. Синод предписал епископу Варлааму внушить проповедникам бывать в поездках продолжительное время, напомнив, что миссионерам необходимо поступать в том деле «по инструкции». В 1784 г. Синод по-прежнему настаивал на реализации инструкции, ставя на вид тобольскому архиепископу, что из рапортов проповедников не очевидно, выполняют ли те это распоряжение³⁷. Деятельность проповедников прекратилась в 1789 г., когда Сенат в связи с волнениями башкир издал указ о приостановке их миссии, возложив эти обязанности на приходское духовенство³⁸.

Миссионерский проект «Новое учреждение» не получил широкого распространения в деле христианизации народов России. Численность крещёных по Тобольской епархии, где происходила апробация «Нового учреждения», оказалась невысокой. За 1771 г. по Тобольской епархии крестили 18 человек, в 1772 г. — 54, 1773 г. — 139, 1779 г. — 51, 1782 г. — 31³⁹. Такие скромные результаты были вызваны нерешённостью языковой проблемы. «Новое учреждение» не предусматривало богослужения на языках автохтонных народов, а именно этот фактор, как показала миссионерская система Н.И. Ильминского, стал первоочередным в деле христианизации.

³⁴ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 15–18; Псалтирь, сиречь Давида пророка и царя песнь, в святоотеческом изъяснении. Почаев, 2014. С. 191.

³⁵ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 1–1 об., 19–19 об.

³⁶ Там же, л. 25–25 об.

³⁷ Там же, л. 88–89, 312.

³⁸ ЦГА КО, ф. 237, оп. 74, д. 893, л. 1–2.

³⁹ РГИА, ф. 796, оп. 50, д. 5, л. 97, 141, 156, 311.

«Новое учреждение» сохранило немало принципов организации миссионерской деятельности первой половины XVIII в., но авторы проекта пытались внести в теорию и практику распространения православия новшества, детализируя поведение проповедника, упрощая содержание обучения через замену некоторых догматических вопросов нравственными, вводя тексты присяги для проповедника и обязательные молитвы. «Новое учреждение» отражает взгляды высшего церковного руководства на ход распространения православия в России. Оно готово было вносить изменения в миссионерскую практику, приспособлять деятельность проповедников к местным условиям, не выходя за установленные ранее границы допустимого, не допуская, в частности, перевода богослужения на местные языки.